

взяточнике Семене Беклемишеве.⁴⁵ Но подлинно художественное изображение пристрастного феодального суда появляется в древнерусской литературе значительно позже — в XVII в. («Шемякин суд», «Повесть о Ерше»). Тем более сильное впечатление должна была производить на читателей XV в. яркая картина такого суда, данная (хотя бы и на примере «звериного царства») в «Стефаните и Ихнилате».

Разбирая «мировые сюжеты» средневековой беллетристики, исследователи по-разному объясняют существование их в литературах различных народов. Для литературоведов такие сюжеты чаще всего служат свидетельством взаимных культурных влияний; этнологи видят в совпадении мотивов (особенно фольклорных) следы сходных явлений в быту и обрядах доклассового общества. Очень определенно различал эти два источника близости между литературами А. Н. Веселовский. Соглашаясь с тем, что мотивы, как «простейшие повествовательные единицы» на древнейших стадиях человеческого развития «могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» — «при сходстве бытовых и психологических условий», он указывал, что сходные комбинации таких мотивов (особенно сложные комбинации) в сюжетах едва ли могли возникнуть спонтанно у разных народов — здесь необходимо ставить вопрос о «заимствовании в историческую пору сюжета, сложившегося у одной народности, другою».⁴⁶

Такое противопоставление генезиса мотивов дальнейшему развитию сюжетов недавно вызвало возражения со стороны В. Б. Шкловского. Отметив, что «совпадение сюжетов встречается и там, где нельзя предполагать заимствования», В. Б. Шкловский высказал мнение, что сходство коллизий в сюжетах разных литератур может объясняться не заимствованием и не случайными совпадениями, а наличием общих «законов эстетических сцеплений, которые обуславливаются основными жизненными связями».⁴⁷

«Законы эстетических сцеплений» (и закономерности развития сюжетов), о которых говорил В. Б. Шкловский, чрезвычайно мало изучены в литературоведческой науке. Не исследован и вопрос о причинах появления сходных сюжетных коллизий в уже развитых сюжетах, бытующих в разных национальных литературах.

Сопоставление сюжетов романа об Александре и цикла басен о животных в литературах Восточной и Западной Европы дает некоторый материал для решения этого вопроса. «Стефанит и Ихнилат» восходил к индо-арабскому эпосу, основанному на широко распространенных в мировом фольклоре сказках о животных; сербская Александрия основывалась на легендарно-историческом повествовании, в свою очередь впитавшем многие фольклорные мотивы. При переходе этих памятников на греко-славянскую почву в них появлялись новые коллизии, отсутствовавшие в западноевропейских версиях тех же сюжетов, но знакомые западной средневековой литературе по другим сюжетам. Лирические мотивы греко-славянской Александрии, усиление сатирических мотивов в «Стефаните и Ихнилате» — все это отвечало идеологическим и эстетическим потребностям читателей Восточной Европы и заполняло важные пробелы в литературах южных и восточных славян.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 278.

⁴⁶ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1913, стр. 11—12.

⁴⁷ В. Шкловский. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961, стр. 101—103.